

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-358-370

EDN: ZIMOCW

Научная статья / Research article

Снежный Дракон: политика Китая в Арктике перед лицом новых вызовов

Э.З. Галимуллин , В.Б. Кашин , А.С. Крамаренко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
egalimullin@hse.ru

Аннотация. Резкое обострение отношений между Россией и странами Запада, начавшееся в феврале 2022 г., стало серьезным вызовом арктическому сотрудничеству, которое на протяжении нескольких последних десятилетий становилось все более интенсивным, плодотворным и в немалой степени взаимовыгодным для его участников. Китай, успевший продемонстрировать всему миру наличие у него амбиций в Арктическом регионе, находится перед лицом непростых вызовов. Ряд исследовательских вопросов, связанных с арктической стратегией Пекина, в этой связи требует уточнения. Не навредит ли укрепление сотрудничества с Россией выстраиванию взаимодействия с остальными арктическими государствами? В какой мере кризис безопасности и постепенная трансформация сложившейся системы международного сотрудничества в Арктике повлияет на планы Китая по интеграции региона в глобальные стратегические проекты Пекина? Какое место может быть отведено Китаю в будущей системе управления Арктикой? Цель исследования — выявление изменений, происходящих в настоящее время в китайской арктической политике. Методологическую основу исследования составляет теория комплексов региональной безопасности Б. Бузана и О. Вейвера. Установлено, что политика выстраивания арктической идентичности, одной из ключевых составляющих которой выступает секьюритизация климатического дискурса, встречает все большее сопротивление со стороны западных стран. В условиях современного кризиса Пекин также вынужден поддерживать баланс двусторонних отношений с Россией и государствами Северной Европы. Эрозия сложившейся системы международного арктического сотрудничества для Китая представляется крайне нежелательной, поскольку эта система вопреки нормативно-правовым режимам полного господства арктических стран (секторальный подход) позволяла Пекину на законных основаниях принимать ограниченное участие в управлении регионом. Вместе с тем на доктринальном уровне отмечается смещение фокуса арктической политики Китая на более глобальное видение развития региона. Внешнеполитические трансформации вызваны рядом сторонних факторов, среди которых можно выделить последствия пандемии коронавируса и усиливающееся китайско-американское стратегическое противостояние.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, КНР, Арктический регион, идентичность, международное сотрудничество, кризис, Россия, Арктический совет

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Галимуллин Э. З., Кашин В. Б., Крамаренко А. С. Снежный Дракон: политика Китая в Арктике перед лицом новых вызовов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 358–370. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-358-370>

Snow Dragon: China's Arctic Policy Facing New Challenges

Eduard Z. Galimullin  , Vasily B. Kashin , Anastasia S. Kramarenko 

HSE University, Moscow, Russian Federation

egalimullin@hse.ru

Abstract. The sharp deterioration between Russia and the West that began in February 2022 has posed a serious challenge to the advancement of Arctic cooperation, which has become increasingly intense, fruitful, and, to a large extent, mutually beneficial for its participants over the past several decades. China, which has demonstrated to the world that it has ambitions in the region, is facing difficult challenges. In this regard, some research questions about Beijing's Arctic strategy need to be addressed. Will the strengthening of cooperation with Russia harm the building of interaction with the other Arctic states? To what extent will the security crisis and the gradual transformation of the established system of international cooperation in the Arctic affect China's plans to integrate the region into its global strategic projects? What role can China play in the future Arctic governance system? The objective of this study is to provide a comprehensive analysis of the changes currently taking place in China's Arctic policy. The methodological foundation of the study is the theory of regional security complexes by B. Buzan and O. Wæver. It has been determined that the policy of building an Arctic identity, one of the key components of which is the securitization of the climate discourse, is meeting increasing resistance from Western countries. In the context of the current crisis, Beijing is also forced to balance its bilateral relations with Russia and the states of Northern Europe. The erosion of the existing international Arctic cooperation framework is highly undesirable for China, as it allowed Beijing to legitimately take a limited role in the governance of the region, as opposed to the regulatory regimes of total domination of the Arctic states (sectoral approach). However, at the doctrinal level, there has been a shift in the focus in China's Arctic policy toward a more global vision of the region's development. The foreign policy shift has been driven by a number of external factors, including the aftermath of the coronavirus pandemic and the intensifying Sino-American strategic confrontation.

Key words: People's Republic of China, PRC, Arctic region, identity, international cooperation, crisis, Russia, Arctic Council

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Galimullin, E. Z., Kashin, V. B., & Kramarenko, A. S. (2024). Snow Dragon: China's Arctic policy facing new challenges. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 358–370. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-358-370>

Введение

В последние десятилетия внимание мира к Арктике неуклонно возрастало. Среди основных причин стремительно растущего интереса к Арктическому региону исследователями чаще всего упоминались климатические изменения (Koivurova, 2012; Nuttall, 2012), крупные запасы природных ископаемых¹, а

также потенциальное круглогодичное судоходство по маршрутам, которые в перспективе могут выступить в качестве альтернативы традиционным (Østreng et al., 2013; The Northern Sea Route..., 2015). Эксперты представляли Арктику как пример взаимовыгодного сотрудничества государств (Heininen,

States) // U.S. Geological Survey Open-File Report. 2008. URL: <https://pubs.usgs.gov/publication/ofr20071404> (accessed: 25.03.2024). См. также: (Zellen, 2009).

¹ Charpentier R., Klett T., Attanasi E. Database for Assessment Unit-Scale Analogs (Exclusive of the United

2019; Steinveg, 2021), образец мирного урегулирования конфликтов в рамках норм международного права (Stokke, 2011; Byers, 2013; Bertelsen, 2019), а тренд на вовлечение в региональное управление неарктических стран рассматривали сквозь призму поэтапной и мирной эволюции межгосударственных структур, в частности Арктического совета (Wiseman, 2020).

В настоящее время в контексте обострения отношений между Россией и странами Запада, угрожающего международному сотрудничеству в Арктике, Китай сталкивается с рядом проблем, которые могут затруднить реализацию его амбиций, касающихся участия в управлении регионом. Москва традиционно является основным проводником для Пекина в полярные широты, в частности по вопросу использования Северного морского пути (СМП). Однако Китай также активно сотрудничает с Гренландией и Исландией². Не навредит ли укрепление сотрудничества с Россией выстраиванию взаимодействия с остальными арктическими государствами?

Кроме того, набирающая обороты милитаризация потенциально сужает простор для участия в управлении Арктикой не только негосударственных структур, но также государств, не являющихся арктическими, за счет снижения потенциала для научного и экономического сотрудничества. В какой мере кризис безопасности и постепенная трансформация сложившейся системы международного сотрудничества в Арктике повлияет на планы Китая по интеграции региона в его глобальные стратегические проекты? Отразится ли на китайской политике в Арктике соперничество с Вашингтоном³? И, если да, то как?

² Dams T., van Schaik L., Stoetman A. Presence Before Power: China's Arctic Strategy in Iceland and Greenland // Clingendael Report. June 2020. URL: <https://www.clingendael.org/pub/2020/presence-before-power/> (accessed: 25.03.2024).

³ См.: Wishnick E. China's Interests and Goals in the Arctic: Implications for the United States // US Army War College Strategic Studies Institute. March 1, 2017. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep11274> (accessed: 03.04.2024); Patey L. Managing US — China Rivalry in the Arctic: Small States Can Be Players in Great Power Competition // Danish Institute for International Studies.

В годы, предшествующие текущему кризису, набирало популярность мнение о необходимости реформы международных институтов вроде Арктического совета (Nord, 2016; Young, 2016). Вне зависимости от своей конфигурации будущей формат взаимодействия государств в Арктике неизбежно должен учесть ожидания и требования изначально неарктических игроков. Какое место может быть отведено Китаю в будущей системе управления Арктикой в условиях «новой нормальности»?

В статье рассматриваются происходящие в Арктике и в китайской арктической политике изменения в рамках теории комплексов региональной безопасности Б. Бузана и О. Вейвера (Buzan & Wæver, 2003). Многие авторитетные исследователи международных отношений апробировали данный подход в изучении региона (Lanteigne, 2020), в том числе после событий февраля 2022 г. (Stackhouse, 2023). Несмотря на серьезные изменения в геополитическом ландшафте Арктики, конструктивизм, в отличие от реализма и его разновидностей, представляется более адекватным аналитическим инструментом, способным ответить на насущные вопросы применительно к управлению Арктикой. Так, в случае Китая актуальным остается анализ его политики по выстраиванию арктической идентичности (Lanteigne, 2015), реализуемой посредством секьюритизации климатической повестки (Акимов, 2023; Conger & Sikorsky, 2023), а также формирование потенциала для управления процессом принятия решений (*norm entrepreneurship*)⁴.

October 9, 2020. URL: <https://www.diis.dk/en/research/managing-us-china-rivalry-in-the-arctic> (accessed: 03.04.2024); Anthony I., Su F. A Strategic Triangle in the Arctic? Implications of China — Russia — United States Power Dynamics for Regional Security // Stockholm International Peace Research Institute. March 2021. <https://www.sipri.org/publications/2021/sipri-insights-peace-and-security/strategic-triangle-arctic-implications-china-russia-united-states-power-dynamics-regional-security> (accessed: 03.04.2024).

⁴ Pelaudeix C. Along the Road: China in the Arctic // European Union Institute for Security Studies (EUISS). December 1, 2018. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep21468> (accessed: 09.02.2024).

Арктическое управление и региональная безопасность сквозь призму конструктивизма

Изменение сущности и масштабов угроз, вызванных не только объективными материальными, но и социально-сконструированными факторами и явлениями, стимулировало расширение сфер, включенных в проблематику безопасности, а также увеличение числа референтных объектов, которые обозначаются как требующие защиты: экология, климат, культура и идентичность, отдельные социальные группы и индивид. В этом контексте классические рационалистические подходы к трактовке безопасности, прежде всего политический реализм и различные его ответвления, обладают ограниченным объяснительным потенциалом. Они сужают социально-политическую реальность, трактуя международные отношения как бесконечное военно-политическое соперничество и череду неизбежных насильственных конфликтов между главными их субъектами — государствами (Mearsheimer, 2001, pp. 17–18). Безопасность же понимается как отсутствие политических и военных угроз суверенитету, стабильности и национальным интересам государства, которое вынуждено наращивать средства для обеспечения безопасности в мире «самопомощи» (*self-help world*) и анархии международных отношений (Mearsheimer, 2001, p. 19).

Исследования сформировавшейся в Арктическом регионе структуры безопасности и ее современной трансформации, а также анализа места и роли китайской политики в этой структуре требуют использования когнитивной оптики, расширяющей спектр референтных объектов безопасности. Такой оптикой обладают конструктивистские теории, актуализированные после окончания холодной войны и интенсивного развития глобализационных тенденций. Речь идет, в частности, о теории комплексов региональной безопасности (ТКРБ) Б. Бузана и О. Вейвера. Это обусловлено не только фокусировкой ТКРБ на проблематике выстраивания систем безопасности в конкретных регионах,

но и тем, что она предоставляет инструментарий для учета уникальной роли Арктики в мире. В основе данной теории — региональные структуры безопасности, под которыми понимаются комплексы государств и других референтных объектов секьюритизации, настолько взаимосвязанных, что вопросы обеспечения безопасности в регионе, к которому они принадлежат, не могут быть разрешены автономно (Buzan & Wæver, 2003, p. 44). Мы полагаем, что Арктика — именно такой комплекс, являющийся точкой пересечения интересов как основных приарктических государств, так и неарктических, в том числе Китая, а также разнообразных коммерческих и некоммерческих стейкхолдеров, уже ставших частью системы взаимоотношений в регионе.

В таких комплексах или кластерах протекает значительная доля международных процессов секьюритизации и десекуритизации высокой интенсивности, а динамика этих процессов зависит от взаимодействия референтных объектов. Глобальная же структура безопасности представляет собой совокупность региональных комплексов, между частями которых международные процессы в сфере безопасности менее интенсивны, а взаимосвязи — слабее. Это обусловлено тем, что угрозы безопасности с большей вероятностью распространяются на короткие расстояния, соответственно, риск конфликта возрастает именно между единицами, расположенными в непосредственной географической близости друг от друга (Buzan, 2003, p. 141).

Фактор географической близости подразумевает существование между единицами регионального комплекса безопасности политико-социальных, экономических, и культурных связей, что предопределяет необходимость совместного решения проблем обеспечения безопасности и купирования рисков. В этой связи важна способность акторов договариваться о том, что именно является экзистенциальной угрозой, требующей экстренных мер реагирования (Buzan, 2003, p. 141). Этот процесс определяется Б. Бузаном и О. Вейвером как крайняя версия политизации, или секьюритизация — речевой акт,

призванный убедить целевую аудиторию в том, что то или иное событие, феномен или субъект ставят под вопрос выживаемость референтного объекта безопасности, например государства, человека, народа, культуры, окружающей среды и т. д. (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998, pp. 24–25). При этом проблема секьюритизируется только тогда, когда целевая аудитория принимает ее как таковую. Если агент секьюритизации достиг своей цели, то это легитимизирует применение всех необходимых средств для нейтрализации этой опасности, выходящих за пределы стандартных политических процедур.

Необходимо отметить, что и референтный объект, и экзистенциальная угроза могут располагаться в военном, политическом, экономическом, социальном и экологическом секторах (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998, pp. 22–23). Поскольку Арктика является уникальным регионом со сложным комплексом отношений и концентрацией интересов различных акторов, для него характерна мультисекторальная среда безопасности (Buzan, 2003, p. 157). Это означает, что угроза, возникающая в одном секторе, неизбежно затрагивает и распространяется на другие. Поэтому только комплексный анализ динамики секьюритизации/десекуритизации позволит дать объективную оценку структуры безопасности, сформировавшейся в Арктике на сегодняшний день.

Таким образом, экзистенциальная угроза необязательно реально существует, а может быть социально сконструирована и встроена в дискурс секьюритизации регионального кластера, в результате чего проблемой безопасности становится именно то, что определено и принято в качестве таковой. Однако это не подразумевает, что все проблемы безопасности — исключительно коммуникативные конструкторы. Более того, многие из них могут быть не политизированы и не являться объектом интереса государства или общества в конкретную единицу времени либо политизированы и встроены в рамки государственной политики или другой формы социального управления, и под давлением разнообразных событий или обстоятельств

с помощью актов коммуникации способны секьюритизироваться, то есть трансформироваться в проблему экзистенциальной опасности. Такая метаморфоза в конце XX — начале XXI столетия произошла, например, с проблематикой защиты окружающей среды и преодоления климатических изменений в Арктике. Сегодня экологические нарративы активно используются Китаем в секьюритизирующем дискурсе для продвижения собственных интересов в регионе.

Выстраивание арктической идентичности Китая

Стремительный экономический рост Китайской Народной Республики (КНР) в последние несколько десятилетий способствовал превращению Пекина в одного из ведущих игроков на мировой арене, внешнеполитические интересы которого присутствуют практически во всех частях земного шара (Mladenov, 2021, pp. 97–142). Арктический регион с его разведанным и прогнозным ресурсным потенциалом, а также перспективными транспортными возможностями не является исключением. Однако если повсеместно китайская внешнеэкономическая экспансия подразумевала рост политического влияния в отдельных странах и регионах (Разумнова, Мигалева, 2019), то ситуация в Арктике характеризуется некоторыми отличительными особенностями. Так называемый «режим управления Арктикой» (Young, 2012), сложившийся в результате создания в 1996 г. Арктического совета, представляет собой систему управления регионом (*Arctic governance*), привилегированными участниками которой выступают в более узком смысле 5 прибрежных государств (Россия, США, Канада, Норвегия и Дания), а в более широком — 8 арктических государств — постоянных членов Арктического совета (вышеперечисленные страны плюс Финляндия, Исландия и Швеция), обладающих суверенитетом над сухопутными территориями в пределах Северного полярного круга.

Китай вкладывал значительные средства в различные проекты перечисленных

арктических государств⁵. Широко известно об активном сотрудничестве именно со скандинавскими странами (Serova & Skripka, 2022), а Исландия и вовсе стала первой европейской страной, подписавшей с КНР соглашение о свободной торговле в 2013 г.⁶ Отдельно необходимо отметить и укрепление китайско-российского регионального сотрудничества, в особенности после введения санкций в отношении Российской Федерации. Помимо ряда крупных проектов по добыче природных ресурсов широкую известность в 2017–2018 гг. получила концепция Ледового Шелкового пути (*Ice Silk Road*), подразумевающая использование СМП в качестве транспортно-логистической магистрали и являющаяся частью китайской инициативы «Пояс и путь» (Михайличенко, 2019).

Однако, несмотря на принимаемые меры по развитию двусторонних отношений, в связи с присутствием институциональных барьеров Китай как неарктическое государство имел весьма ограниченное влияние на управление регионом. С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 г. Пекин начал проводить в отношении Арктики иную политику, последовательно осуществив ряд шагов с целью вовлечения в круг участников арктического управления, а также формирования потенциала для управления процессом принятия решений. Эта политика является частью более широкой стратегии использования дискурсивной власти и глобального продвижения китайских нарративов в целях трансформации существующей международной системы (Вос, 2015; Yang, 2021). Суть этой политики в отношении Арктики заключалась в выстраивании региональной идентичности посредством, главным образом, секьюритизации повестки, связанной с последствиями

изменения климата. В этом смысле вступление КНР в Арктический совет в качестве государства-наблюдателя в 2013 г. стало отправной точкой практической реализации данной политики, позволив Пекину получить некоторые формальные основания для обоснованного выражения своих взглядов на управление Арктикой.

Белая книга «Арктическая политика Китая»⁷, опубликованная пресс-канцелярией Госсовета КНР в 2018 г., стала первым официальным документом, в котором нашли отражение основные принципы, цели, задачи и направления китайской арктической политики. Хотя значительная часть из содержимого документа к тому времени уже была озвучена китайскими дипломатами в ходе выступлений на региональных площадках и форумах⁸, публикация стала важнейшим событием, подтвердившим намерения Пекина по позиционированию себя в качестве «арктической заинтересованной стороны»⁹. Так, уже во введении документа отмечается, что в связи с происходящими в Арктике изменениями, в первую очередь климатическими, регион отныне представляет интерес не только для арктических государств, но и для международного сообщества в целом.

Вслед за краткой физико-географической характеристикой Арктики, а также перечислением существующих там на сегодняшний день вызовов и возможностей Китай называет себя «околоарктическим» государством (*near-Arctic state*). В качестве обоснования для подобной характеристики используется

⁷ China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 11.02.2024).

⁸ Keynote Speech by Vice Foreign Minister Zhang Ming at the China Country Session of the Third Arctic Circle Assembly // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. October 17, 2015. URL: http://is.china-embassy.gov.cn/eng/zbgx/kjll/201510/t20151018_3164910.htm (accessed: 11.02.2024).

⁹ China Defines Itself as a 'Near-Arctic State', Says SIPRI // Stockholm International Peace Research Institute. May 10, 2012. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2012/china-defines-itself-near-arctic-state-says-sipri> (accessed: 20.02.2024).

⁵ Sengupta S., Myers S.-L. Latest Arena for China's Growing Global Ambitions: The Arctic // The New York Times. May 24, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/24/climate/china-arctic.html> (accessed: 09.02.2024).

⁶ Valdimarsson O. R. Iceland Is First in Europe to Sign Free Trade Pact with China // Bloomberg. April 15, 2013. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2013-04-15/iceland-is-first-in-europe-to-sign-free-trade-pact-with-china> (accessed: 09.02.2024).

тезис о непосредственном влиянии происходящих климатических изменений, в эпицентре которых находится Арктика, на экономические интересы КНР в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве, морской индустрии и других отраслях. Несмотря на данные о существовании взаимосвязи между сокращением площади ледовой поверхности в акватории Северного Ледовитого океана и таяния ледников Гренландии с повышением общемировой температуры (Dethloff et al., 2006), американскими официальными лицами данное самопровозглашение было воспринято крайне негативно¹⁰, а западные эксперты охарактеризовали этот шаг Пекина как попытку «внедрить себя в семантику арктической темы»¹¹.

Другой важной составляющей нарратива об арктической идентичности является историческая интерпретация временных рамок китайского присутствия в регионе. В 1925 г. Китай действительно присоединился к Договору о Шпицбергене от 1920 г. — первому многостороннему соглашению в Арктике, в связи с чем арктическая история Китая насчитывает практически целый век, что определенно усиливает обоснованность китайского участия в региональном управлении. Вместе с тем Лю Нэнъе (Liu, 2021) утверждает, что Китай не принимал участия в процессе принятия решения о заключении Шпицбергенского договора, а приглашение присоединиться к Договору в адрес КНР со стороны Франции было обусловлено соперничеством последней с усиливающимися свое влияние в мире Соединенными Штатами Америки. Таким образом, участие Китая в Договоре скорее было частью обустройства международного порядка после Первой мировой войны, а не собственно арктическим вопросом. Лишь с 1990-х гг. можно начинать отсчет

формирования арктической политики Китая. Свою первую арктическую экспедицию китайцы предприняли в 1999 г., а первую полярную станцию (*Yellow River*) на Шпицбергене открыли лишь в 2004 г.¹²

Последовательно вопросы, касающиеся арктической политики, находили отражение и в более серьезных стратегических документах КНР. Так, 14-й пятилетний план Китая (2021–2025 гг.) впервые содержал упоминание именно Арктики, а не в целом полярных регионов. В ст. 33 говорится о намерении участвовать в прагматичном сотрудничестве в Арктике и строить «Ледяной шелковый путь». Некоторые исследователи характеризовали этот проект как альтернативу региональному статус-кво, сосредоточенному вокруг Арктического совета (Ушакова, 2021; Yang & Zhao, 2019). Также отмечается, что если в 13-м пятилетнем плане (2016–2020 гг.) вопросы, касающиеся морской политики, упоминались в основном в контексте защиты интересов Китая в близлежащих водах, то текст документов последней «пятилетки» в гораздо большей степени ориентирован на внешний мир и подчеркивает роль Китая в формировании глобального управления океаном¹³. В дополнение к этому можно отметить и упоминание Северного Ледовитого океана в одном из важнейших стратегических документов — Национальном плане развития транспортной системы, определяющем развитие транспортной системы в Китае с периодом планирования с 2021 по 2035 г. Полярный маршрут впервые представлен там как часть стратегии по диверсификации доступа к глобальным транспортным коридорам¹⁴.

¹² Kopra S. China and Its Arctic Trajectories: The Arctic Institute's China Series 2020 // The Arctic Institute. April 24, 2020. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/china-arctic-trajectories-the-arctic-institute-china-series-2020/> (accessed: 23.02.2024).

¹³ Eiterjord T. What the 14th Five-Year Plan Says About China's Arctic Interests // The Arctic Institute. November 23, 2023. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/14th-five-year-plan-chinas-arctic-interests/> (accessed: 05.03.2024).

¹⁴ Ibold S., Yun X. National Comprehensive Three-dimensional Transportation Network Planning Outline // GIZ. February 24, 2021. URL: <https://transition->

¹⁰ Fang A. US Rejects China's 'Near-Arctic State' Claim in New Cold War // Nikkei Asia. April 24, 2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/US-rejects-China-s-near-Arctic-state-claim-in-new-cold-war> (accessed: 23.02.2024).

¹¹ Durkee J. China: The New "Near-Arctic State" // Wilson Center. February 6, 2018. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/china-the-new-near-arctic-state> (accessed: 23.02.2024).

Кризис международного сотрудничества в Арктике: последствия для Пекина

В результате обострения российско-украинского конфликта в феврале 2022 г. большинство региональных институтов, а также все 7 арктических стран кардинально сократили взаимодействие с Россией¹⁵. В отношении Москвы был введен целый ряд дополнительных санкционных ограничений, в частности направленных на дальнейшее сокращение финансовых и технологических возможностей освоения ресурсов континентального шельфа Арктики. Кроме того, вступление Финляндии и Швеции в Организацию Североатлантического договора (НАТО) стало проявлением стремительных изменений геополитического ландшафта в регионе и его превращения в арену для стратегического противостояния¹⁶.

На первый взгляд, эти и другие последствия кризиса сотрудничества для КНР можно оценить двояко. Так, в условиях эрозии системы управления регионом и разобщенности арктических государств Пекину теоретически могло бы быть проще качественно усилить свои позиции как крупного арктического стейкхолдера. Однако, во-первых, серьезные разногласия среди арктических стран присутствуют только по линии «Россия — западные страны». В этих условиях происходит еще большее сплочение альянса арктических государств Северной Европы с Канадой и США, в том числе и вокруг антикитайской повестки¹⁷. При подобном раскладе логичнее

предположить необходимость для Пекина балансировать между противоборствующими сторонами, поскольку очевидно существование рисков от укрепления регионального взаимодействия с Москвой и потенциальных контрмер со стороны других арктических государств¹⁸. Несмотря на широкие возможности, открываемые российской политикой «поворота на Восток»¹⁹, Китай крайне внимательно оценивает собственные риски от усиливающихся антироссийских санкций, примером чему могут служить возникшие сложности с реализацией ряда крупных проектов, в которых задействованы китайские акционеры, например проект по производству сжиженного природного газа (СПГ) Арктик СПГ-2²⁰.

Во-вторых, сформировавшаяся система арктического управления пусть и была достаточно ригидной, однако все же предоставляла Пекину возможности для постепенной интеграции на совершенно формальных основаниях. Неслучайно на форуме Арктического круга в октябре 2022 г. китайский поверенный по делам Арктики призвал к скорейшему возобновлению сотрудничества²¹. Кроме

china.org/wp-content/uploads/2021/03/Outline-of-the-National-Comprehensive-TDT-network.pdf (accessed: 05.03.2024).

¹⁵ Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine // IARPC Collaborations. March 3, 2022. URL: <https://www.iarpcollaborations.org/updates/22591> (accessed: 09.03.2024).

¹⁶ Paul M. U.S. Arctic Security Policy: North American Arctic Strategies, Russian Hubris and Chinese Ambitions // SWP Comment. 2023 (July 18). No. 40. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2023C40/> (accessed: 03.04.2024).

¹⁷ Peiqing G., Huiwen C. Chinese Perspective on the Arctic and Its Implication for Nordic Countries // The Arctic Institute. June 20, 2023. URL:

<https://www.thearcticinstitute.org/chinese-perspective-arctic-implication-nordic-countries/> (accessed: 15.03.2024).

¹⁸ Chen C. China — Russia Arctic Cooperation in the Context of a Divided Arctic // The Arctic Institute. April 4, 2023. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/china-russia-arctic-cooperation-context-divided-arctic/> (accessed: 15.03.2024).

¹⁹ См.: ГК «РУСТИТАН» и «Китайская компания коммуникаций и строительства» обсудили проект освоения Пижемского месторождения в Республике Коми // Российский союз промышленников и предпринимателей. 20.01.2023. URL: <https://rspp.ru/events/news/gk-rustitan-i-kitayskaya-kompaniya-kommunikatsiy-i-stroitelstva-obsudili-proekt-osvoeniya-pizhemsckogo-mestorozhdeniya-v-respublike-komi-63ce39f4e1909/> (дата обращения: 15.03.2024); НОВАТЭК и «Совкомфлот» создали СП для обеспечения круглогодичных поставок с СПГ-проектов // Коммерсантъ. 04.09.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4081158> (дата обращения: 15.03.2024).

²⁰ «Арктик СПГ-2» теперь сам по себе // Коммерсантъ. 25.12.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6425739> (дата обращения: 15.03.2024).

²¹ Schreiber M. China Will Not Recognize an Arctic Council Without Russia, Envoy Says // Arctic Today. October 17, 2022. URL: <https://www.arctictoday.com/>

того, после вступления Китая в Арктический совет и активизации его арктической политики в исследовательских публикациях все чаще стал подниматься вопрос о необходимости реформирования организации с учетом новых реалий (Young, 2016; Knecht & Keil, 2017; Wiseman, 2020). Вполне логично было бы предположить если не расширение числа постоянных членов Арктического совета, то укрепление в правах государств-наблюдателей. Пекин попутно увеличивал свое присутствие на иных, менее институционализированных региональных площадках наподобие созданной в 2013 г. Ассамблеи Полярного круга (*Arctic Circle Forum*)²². Для КНР также крайне выгоден существующий нормативно-правовой режим Северного Ледовитого океана и арктических морей, регулируемый Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. и рядом других международных договоров, в соответствии с которыми неарктическим странам разрешается широкий набор действий в открытом море (за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны (ИЭЗ)), включая разведку и добычу природных ресурсов (Bennett, 2015). Существовавший ранее секторальный подход полностью исключал допуск к управлению океаническими пространствами Арктики государств, не являющихся прибрежными.

Впрочем, ряд современных исследований позволяет утверждать, что содержательные изменения в арктической политике КНР происходят в том числе под влиянием факторов, касающихся последствий пандемии коронавируса и усиливающейся конкуренции с Вашингтоном (Ferchen, 2023; Zhou, 2023, pp. 77–105). Так, экономические трудности оказали негативное влияние на возможности Китая финансировать инфраструктурные проекты по всему миру в рамках своих глобальных инициатив, а конфронтационная

china-will-not-recognize-an-arctic-council-without-russia-envoy-says/ (accessed: 15.03.2024).

²² Китай направит свою делегацию на 3-ю Ассамблею Форума Северного полярного круга // Жэньминь жибао. 15.10.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1015/c31516-8962377.html> (дата обращения: 15.03.2024).

политика администрации Дональда Трампа вызвала усиление обеспокоенности среди западных стран относительно возможной милитаризации региона со стороны Пекина. Следует отдельно отметить, что скептицизм западных стран в отношении мирной арктической риторики Китая в значительной степени связан с растущими возможностями КНР как крупной морской державы. Так, в 2019 г. на мероприятии по случаю 70-й годовщины основания Военно-морского флота Народно-освободительной армии Китая Си Цзиньпин официально представил концепцию морского сообщества единой судьбы как решение для глобального управления океаном, выражающую готовность КНР «обсуждать больше и обсуждать все» (Wang, 2023). Также необходимо отметить, что активизация НАТО в Арктике за последнее десятилетие была связана и с растущим вниманием Китая к региону²³. В официальном коммюнике Брюссельского саммита в 2021 г. было прямо заявлено, что амбиции и напористое поведение Китая создают системные вызовы для основанного на правилах международного порядка, а также непосредственно для безопасности Североатлантического альянса²⁴.

Сегодня опасения западных стран усиливает военно-политическое взаимодействие Пекина с Москвой. Последняя, согласно мнению некоторых исследователей, в условиях перераспределения оборонных расходов в пользу украинского конфликта может пойти на предоставление своему восточному соседу еще больших преференций и возможностей для расширения присутствия в регионе²⁵. Так,

²³ Lanteigne M. The Changing Shape of Arctic Security // NATO. June 28, 2019. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2019/06/28/the-changing-shape-of-arctic-security/index.html> (accessed: 15.03.2024).

²⁴ Brussels Summit Communiqué // NATO. June 14, 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (accessed: 15.03.2024).

²⁵ Shifting Ice: Russia's Increasing Reliance on The Private Sector and the PRC in the Arctic // Strider. URL: <https://www.striderintel.com/resources/shifting-ice-russias-increasing-reliance-on-the-private-sector-and-the-prc-in-the-arctic/> (accessed: 21.03.2024).

на учениях в Баренцевом море в апреле 2023 г. в качестве наблюдателей присутствовала делегация из Китая²⁶, а месяцем ранее было заявлено о готовности двух стран создать совместный рабочий орган по развитию Северного морского пути²⁷.

Вместе с тем возможность формирования именно военного альянса России и Китая представляется маловероятной²⁸. Договор об обороне с Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) (1961 г.) на сегодняшний день остается единственным подобного рода китайским документом. Интерес же Пекина к СМП можно охарактеризовать скорее как стратегический, нежели тактический, поскольку, по мнению некоторых исследователей, инициатива «Пояс и путь», похоже, уступила место новым, не связанным с инфраструктурой китайским проектам по освоению земного шара²⁹. При этом еще в 2018 г. стало известно о планах Китайской национальной ядерной корпорации (*China National Nuclear Corporation, CNNC*) по созданию атомных ледоколов. Хотя конкретной информации об этом проекте до сих пор немного, ряд заявок на патенты, поданные инженерами дочерней компании *CNNC Marine Nuclear Power*, могут быть свидетельствами ведущейся по данному направлению работы³⁰.

²⁶ Ширяев С. Учения «Арктический патруль» прошли в Баренцевом море // Вести.ру. 26.04.2023. URL: <https://www.vesti.ru/article/3322395> (дата обращения: 15.03.2024).

²⁷ Путин заявил, что Россия и Китай готовы сотрудничать по развитию Севморпути // ТАСС. 21.03.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17329179> (дата обращения: 15.03.2024).

²⁸ Devyatkin P. China and the Arctic: Reflections in 2023 // The Arctic Institute. November 9, 2023. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/china-arctic-reflections-2023/> (accessed: 25.03.2024).

²⁹ Wu L. China's Transition from the Belt and Road to the Global Development Initiative // The Diplomat. July 11, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/07/chinas-switch-from-the-belt-and-road-to-the-global-development-initiative/> (accessed: 25.03.2024).

³⁰ Eiterjord T. Checking Back in on China's Nuclear Icebreaker // The Diplomat. February 13, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/02/checking-back-in-on-chinas-nuclear-icebreaker/> (accessed: 25.03.2024).

Наиболее вероятно, что официальный Пекин в дальнейшем будет избегать акцентов на вопросах, вызывающих болезненную реакцию западных стран, в частности добычи арктических природных ресурсов или использования морских транспортных возможностей региона. Основной упор в публичной риторике и доктринальных правовых актах уже делается на понимании Арктики как преимущественно морского пространства с еще только формирующейся архитектурой управления, но эта риторика отличается крайне общими формулировками. Например, в Белой книге от 2023 г. «Инициатива „Пояс и путь“: ключевая опора глобального сообщества общего будущего» нет ни слова про Арктику или Северный морской путь³¹. Упоминаются только полярные регионы в контексте совершенствования существующих механизмов многостороннего управления и сотрудничества для продвижения механизмов управления в появляющихся новых областях (*emerging areas*). В другой Белой книге «Глобальное сообщество общего будущего: предложения и действия Китая» (2023 г.) полярные регионы упоминаются только в контексте содействия разработке свода правил для глобального цифрового управления наряду с космическим пространством и морским дном как «новыми рубежами» (*new frontier*)³².

Свидетельства меняющейся политики КНР на арктическом направлении можно проследить и в публичной риторике. Например, в совместном заявлении президента РФ В.В. Путина и председателя КНР Си Цзиньпина от 4 февраля 2022 г. отмечается, что стороны «согласились последовательно углублять *практическую кооперацию* в области

³¹ The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future // China Daily. October 11, 2023. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202310/11/WS6525de2ba31090682a5e7d01.html> (accessed: 25.03.2024).

³² Full Text: A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions // The State Council Information Office of the People's Republic of China. September 26, 2023. URL: https://english.www.gov.cn/news/202309/26/content_WS6512703dc6d0868f4e8dfc37.html (accessed: 25.03.2024).

устойчивого развития Арктики»³³. Заявление также содержит призыв ко всем заинтересованным государствам участвовать в развитии «эксплуатации арктических маршрутов»³⁴.

В аналогичном по форме заявлении от 21 марта 2023 г. подчеркивается, что стороны «продолжат углублять практическое сотрудничество в сферах *полярных научных исследований*, охраны окружающей среды и организации экспедиций, будут вносить большой общественный вклад в *глобальное управление морями и океанами*»³⁵. Таким образом, прослеживаются совершенно аналогичные акценты на глобальном, стратегическом подходе Китая к Арктике.

Заключение

Активизация внешней политики КНР в отношении Арктики на протяжении последнего десятилетия была обусловлена теми же факторами, которые способствовали общему повышению внимания к региону. В качестве содержательной основы этой политики выступали усилия по построению арктической идентичности, заключающиеся в активном влиянии Пекина на региональную повестку через аргументацию важности арктических

природных ресурсов для своего социально-экономического развития и секьюритизацию темы климатических изменений как угрозы для национальной безопасности.

Кризис регионального сотрудничества дополнил ряд проблем, с которыми сегодня сталкивается Пекин, в числе которых последствия пандемии, включая экономические, а также усиление стратегического соперничества с Вашингтоном. Однажды представленная широкой общественности арктическая стратегия Пекина постепенно вновь становится в некотором роде «вещью в себе», а упоминания Арктики лишь эпизодически находят свое отражение в доктринальных правовых актах. Это, впрочем, не означает потери интереса КНР к региону и с малой вероятностью окажет существенное влияние на продолжающееся строительство национального ледокольного флота. При условии сохранения существующего в Северном Ледовитом океане и прилегающих морях нормативно-правового режима Китаю необходимо поддерживать приемлемые отношения с арктическими государствами для беспрепятственного прохода через их территориальные воды и проливы, а также работать над обеспечением физической возможности своего потенциального присутствия в Арктике.

Также сохраняются возможности для постепенного восстановления существующей системы сотрудничества. В этой связи долгосрочной и стратегической целью Китая остается вовлечение в арктическое управление, поэтому наиболее вероятным развитием событий на ближайшую перспективу представляется поддержка Пекином существующих многосторонних арктических структур, а не создание или продвижение альтернативных проектов.

Поступила в редакцию / Received: 19.01.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 04.06.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

Акимов П.Х. Арктика с китайской спецификой // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 89–108. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.89>; EDN: YASXGE

- Михайличенко К. М.* Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «Один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21, № 2. С. 333–345. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-2-333-345>; EDN: BEXZMS
- Разумнова Л. Л., Мигалева Т. Е.* Рост политического и экономического влияния Китая в современном мире: плюрализм мнений // *Международная торговля и торговая политика*. 2019. № 4. С. 42–64. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2019-4-42-64>; EDN: XFUPSD
- Ушакова Е. Г.* Арктические рубежи: Ледяной Шелковый путь и его роль в продвижении Китая в Арктику // *Арктика и Север*. 2021. № 43. С. 128–143. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.43.128>; EDN: TMTYFI
- Bennett M. M.* How China Sees the Arctic: Reading Between Extraregional and Intraregional Narratives // *Geopolitics*. 2015. Vol. 20, iss. 3. P. 645–668. <https://doi.org/10.1080/14650045.2015.1017757>
- Bertelsen R. G.* The Role of Transnational Knowledge Networks and Epistemic Communities in Arctic Shipping Governance // *Emerging Legal Orders in the Arctic: The Role of Non-Arctic Actors* / ed. by A. Shibata, Leilei Zou, N. Sellheim, M. Scopelliti. London : Routledge, 2019. P. 117–187. <https://doi.org/10.4324/9780429461170-10>
- Вос А.* The Power of Language: Globalizing “The Chinese Dream” // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2015. Vol. 8. P. 533–551. <https://doi.org/10.1007/s40647-015-0102-y>
- Buzan B.* Regional Security Complex Theory in the Post-Cold War World // *Theories of New Regionalism: A Palgrave Macmillan Reader* / ed. by F. Söderbaum, T. Shaw. London : Palgrave Macmillan. London, 2003. P. 140–159. https://doi.org/10.1057/9781403938794_8
- Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Byers M.* International Law and the Arctic. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107337442>
- Conger J., Sikorsky E.* Climate Change Has Awakened the Polar Dragon // *Journal of Arctic & Climate Security Studies*. 2023. Vol. 1, no. 1. P. 129–135. URL: <https://councilonstrategicrisks.org/wp-content/uploads/2023/10/Climate-Change-Has-Awakened-the-Polar-Dragon.pdf> (accessed: 12.01.2024).
- Dethloff K., Rinke A., Benkel A., Koltzow M., Sokolova E., et al.* A Dynamical Link Between the Arctic and the Global Climate System // *Geophysical Research Letters*. 2006. Vol. 33, iss. 3. P. 1–4. <https://doi.org/10.1029/2005GL025245>
- Ferchen M.* The Contradictions in China’s Developmentalist Foreign Policy // *Orbis*. 2023. Vol. 67, iss. 4. P. 471–495. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2023.08.002>
- Heininen L.* Special Features of Arctic Geopolitics — A Potential Asset for World Politics // *The Global Arctic Handbook* / ed. by M. Finger, L. Heininen. Cham : Springer, 2019. P. 215–234. https://doi.org/10.1007/978-3-319-91995-9_13
- Knecht S., Keil K.* Conclusion: Governing the Arctic as a Globally Embedded Space // *Governing Arctic Change* / ed. by K. Keil, S. Knecht. London : Palgrave Macmillan, 2017. P. 301–310. https://doi.org/10.1057/978-1-137-50884-3_15
- Koivurova T.* The Arctic Council: A Testing Ground for New International Environmental Governance // *The Brown Journal of World Affairs*. 2012. Vol. 19, iss. 1. P. 131–144.
- Lanteigne M.* The Role of China in Emerging Arctic Security Discourses // *S&F Sicherheit und Frieden*. 2015. Vol. 33, no. 3. P. 150–155. <https://doi.org/10.5771/0175-274X-2015-3-30>
- Lanteigne M.* Considering the Arctic as a Security Region: The Roles of China and Russia // *Routledge Handbook of Arctic Security* / ed. by G. H. Gjørv, M. Lanteigne, S.-A. Horatio. London : Routledge, 2020. P. 311–323. <https://doi.org/10.4324/9781315265797-26>
- Liu Nengye.* China and One Hundred Years of the Svalbard Treaty: Past, Present and Future // *Marine Policy*. 2021. Vol. 124. P. 1–6. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2020.104354>
- Mearsheimer J. J.* The Tragedy of Great Power Politics. New York : W. W. Norton & Company, 2001.
- Mladenov N. S.* China’s Rise to Power in the Global Order: Grand Strategic Implications. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-66452-7>
- Nord D. C.* The Arctic Council: Governance Within the Far North. London : Routledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315756196>

- Nuttall M.* Introduction: Politics, Science and Environment in the Polar Regions // *The Polar Journal*. 2012. Vol. 2, iss. 1. P. 1–6. <https://doi.org/10.1080/2154896X.2012.679553>
- Ostreng W., Eger K. M., Fløistad B., Jørgensen-Dahl A., Lothe L., et al.* Shipping in Arctic Waters: A Comparison of the Northeast, Northwest and Trans Polar Passages. Heidelberg: Springer Berlin, 2013. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-16790-4>
- Serova E. V., Skripka I. R.* China's Soft Power Policy in Finland, Sweden, and Norway: A Cross-Country Analysis // *The Handbook of the Arctic: A Broad and Comprehensive Overview* / ed. by E. V. Pak, A. I. Krivtsov, N. S. Zagrebelnaya. Singapore: Palgrave Macmillan, 2022. P. 929–953. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9250-5_50-1
- Stackhouse M.* The Zone of Peace and the Future of Arctic Governance // *Journal of Arctic & Climate Security Studies*. 2023. Vol. 1, no. 1. P. 136–150.
- Steinveg B.* The Role of Conferences Within Arctic Governance // *Polar Geography*. 2021. Vol. 44, iss. 1. P. 37–54. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2020.1798540>
- Stokke O. S.* Environmental Security in the Arctic: The Case for Multilevel Governance // *International Journal*. 2011. Vol. 66, iss. 4. P. 835–848. <https://doi.org/10.1177/002070201106600412>
- The Northern Sea Route: A Comprehensive Analysis* / ed. by M. Keupp. Wiesbaden: Springer Gabler, 2015. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-04081-9>
- Wang Chuanliang.* The Significance of the Concept of a Maritime Community with a Shared Future in the International Law-Making Process: Taking the BBNJ Agreement as an Example // *Marine Policy*. 2023. Vol. 149. P. 105509. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2023.105509>
- Wiseman M. S.* The Future of the Arctic Council // *The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics* / ed. by K. S. Coates, C. Holroyd. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 439–452. https://doi.org/10.1007/978-3-030-20557-7_27
- Yang Jian, Zhao Long.* Opportunities and Challenges of Jointly Building of the Polar Silk Road: China's Perspective // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2019. Vol. 12, no. 5. P. 130–144. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-5-130-144>; EDN: EOYCRK
- Yang Y. E.* China's Strategic Narratives in Global Governance Reform Under Xi Jinping // *Journal of Contemporary China*. 2021. Vol. 30, iss. 128. P. 299–313. <https://doi.org/10.1080/10670564.2020.1790904>
- Young O. R.* Building an International Regime Complex for the Arctic: Current Status and Next Steps // *The Polar Journal*. 2012. Vol. 2, iss. 2. P. 391–407. <https://doi.org/10.1080/2154896X.2012.735047>
- Young O. R.* The Arctic Council at Twenty: How to Remain Effective in a Rapidly Changing Environment // *UC Irvine Law Review*. 2016. Vol. 6, iss. 1. P. 99–120.
- Zellen B.* Arctic Doom, Arctic Boom: The Geopolitics of Climate Change in the Arctic. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2009. <https://doi.org/10.5040/9798400614132>
- Zhou Jinghao.* Great Power Competition as the New Normal of China — US Relations. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-09413-2>

Сведения об авторах:

Галимуллин Эдуард Зульфатович — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; eLibrary SPIN-код: 8285-9495; ORCID: 0000-0003-3247-7826; e-mail: egalimullin@hse.ru

Кашин Василий Борисович — кандидат политических наук, директор Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; eLibrary SPIN-код: 3480-3664; ORCID: 0000-0001-9283-4528; e-mail: vkashin@hse.ru

Крамаренко Анастасия Сергеевна — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; eLibrary SPIN-код: 5021-1033; ORCID: 0000-0001-7454-0956; e-mail: a.kramarenko@hse.ru